

Лишь за два неполных года и начало сплошной «добровольной» коллективизации (1929—1931 гг.) из районов РСФСР, Украины, Белоруссии, Нижнего и Среднего Поволжья, Северного Кавказа были выселены на трудовое «перевоспитание» в Сибирь, в наш Северный край и на Урал около 270 тысяч крестьянских семей. Они составили особого рода контингент, именуемый спецпереселенцами. Кулаки, мироеды, эксплуататоры трудового народа — таким образом советская власть «крестила» людей, не пожелавших вступать в колхозы. Спецпереселенцы этапировались под конвоем сотрудников НКВД в малоосвоенные и малонаселенные районы, включая и наш Кокшенинский.

Из истории родного края

Спецпереселенцы

СПРАВКА

В период районирования (1929 год) Тотемский уезд был разделен на ряд районов, в числе их Кокшенинский. Немногом позже он был включен в состав Нюксенского района. В январе 1935 года был образован Тарногский район Северного края.

Поселки переселенцев 10-й — 14-й появились в Верхове по р. Яхренъге. Поселки 3-й — 7-й — на нынешней границе Тарногского и Тотемского районов по р. Лохте и Талице.

Многие спецпереселенцы в дороге по этапу умирали от холода и голода, болезней и издевательств конвоиров. Тех же из крестьян, кого доставляли к месту поселения, ждали здесь сосны, березы и ели. Жить и обустроиваться люди начинали на пустом месте, имея в руках лишь самые примитивные орудия труда. Уделом их стал тяжелый каторжный труд, полное политическое и гражданское бесправие. Редко кому из людей, отбывавших свои сроки (5—10 и более лет) на поселениях, удавалось сохранить свое здоровье и жизнь. Многие крестьян-тружеников приняла на вечный покой наша кокшенинская земля. А ныне на местах бывших поселений, хорошо разработанных, ухоженных полей и пашен, лугов и кладбищ стоит стеною лес. Но жива людская память о них и добрых делах тех людей.

«ОНИ НАУЧИЛИ НАС ЖИТЬ...»

Как жили переселенцы — крестьяне, чем занимались, что ценного привнесли они в нашу жизнь и на нашу землю — вопросы, на которые зимой нынешнего года я попросил ответить жителя деревни Дуброва Лохотского сельсовета, участника Великой Отечест-

венной войны Александра Константиновича Корепанова. О жизненном пути его я писал в газете «Кокшенинга» от 13 марта с. г. Второго мая А. К. Корепанов умер.

Сохранились записи и фрагменты рассказа А. К. Корепанова, очевидца тех далеких событий, о судьбах, жизненном укладе спецпереселенцев-крестьян.

Александр Константинович сказал: «Переселенцы прибывали партиями, начиная с 1932 года водным путем по реке Сухоне на баржах и под конвоем НКВД в город Тотму. По разрядке Лохотского сельсовета наши колхозники вывозили их на конных подводах к месту жительства и обустройства, которое заранее определяла власть Северного края. В этом случае таким местом был район речки Талицы в 11—14 км от деревни Дуброва. Зачастую в непогоду и в стужу привезут их в глухой лес, выгрузят с нехитрым их скарбом под елку — под сосну — живите, как знаете. Многие из прибывших были фактически голы и босы. Первый год им досталось очень трудно. Жили в шалашах, да в наспех вырытых землянках. Обогревались при кострах. И деревня наша недалеко от их поселения, но на постой принимать переселенцев власть категорически запрещала. Не разрешалось даже на ночлег кого-то из переселенцев пустить. Прознают в сельсовете и милиция, деревенскому доброхоту давали штраф, а то сажали его в темный и холодный амбар на двое-трое суток.

Первыми из прибывших по этапу на поселение, как помнится мне, были украинцы, саратовцы, татары. Работящие были люди. Они образо-

вали поселок номер три. На месте поселения сплошным вырубали лес, который впоследствии шел на строительство жилья и хозяйственных построек. Лесом мостилась и дорога. Через год люди корчевали и жгли пни. Появлялись поля, на которых переселенцы с успехом выращивали рожь, ячмень, овес, пшеницу. Сеяли и клевер. Семенным фондом обеспечивались они первоначально из госрезервов, а впоследствии семян уже не спрашивали, имели все свое. Землю обрабатывали на быках, а позже разжились и лошадьми. Много их было в ту пору. Уже через год — два у переселенцев появились крепкие просторные жилища — бараки, рубленные из кругляка. Каждый барак был рассчитан в среднем на 6 семей. В поселке номер три была двухэтажная школа, а около нее естественный бассейн с водой для купания и отдыха детей. Строились и обустроивались поселенцы капитально. И чтобы они ни делали — любо-дорого было посмотреть. Вот такие они были работники. Настоящие хозяева.

В 1932—1934 гг. лохотчане помогли поселенцам семенами картофеля на посадку. А в 1936—1937 годах, когда мы в колхозе едва с голоду не подыхали, у переселенцев было всего из продуктов вдоволь. Они с успехом разводили скот. Коровы их давали много молока. Его перерабатывали на сепараторах в масло, которое, как и мясо, возили и сдавали в Тотму. Зерно, картофель, лен сдавали на госсклады в с. Тарногский Городок. До переселенцев также были доведены твердые нормы по сдаче сельхозпродукции государству. И нормы эти, как знаю,

зачастую перевыполнялись.

Кто из нас, деревенских, выращивал тогда на своих участках огурцы, помидоры? Пожалуй, никто. Это они научили нас посеять многие овощи. Не было до них и коз. Развели их переселенцы. Они действительно учили нас жить. И вот таких хозяев власть срывала с родных мест, со своей земли и гнала, как скот, за тысячу верст для «исправления и перевоспитания».

На речке Талице не один был поселок. Были еще 4-й, 5-й, 6-й и 7-й. Располагались они в 2—3 км друг от друга. И в каждом многие десятки семей. В каждом поселке был свой комендант из местных работников сельсовета или из милиции. Комендант фактически вершил судьбы этих крестьян. Все ему были обязаны подчиняться, выполнять неукоснительно его распоряжения и волю. А этапы переселенцев все шли и шли. Так вплоть до войны с фашистской Германией.

У поселка номер три на берегу речки Лохты у переселенцев было свое кладбище. Кресты, кресты, любовно изготовленные оградки, чистые могилки. Сейчас на месте кладбища лес.

В каждом поселке была пекарня. Хлеба выпекали хорошие. В каждом поселке своя пасека. Получали много меда. Случалось мне бывать в поселке третьем у одного хозяина. Вдоволь здесь наелся меда. Много пчелиных ульев подарили переселенцы нам — лохотчанам. С тех пор и наши, местные, начали гнать мед.

От колхозов некуда было деваться. Посельчан тоже объединили в один колхоз. Не помню,

сколько он просуществовал, но как только срок высылки у поселенца заканчивался, человек уезжал на родину. Уезжали молодые в основном, а старикам многим уже не под силу было. Они умерли здесь, на чужбине.

На место переселенцев из поселка № 3 пригнали по этапу перед войной поляков. Жили они здесь год — два. Их также было очень много. Но это уже были не земледельцы. Работали на сплаве леса, в дебрях. В войну их подняли с мест и куда-то увезли.

Жизнь в поселках постепенно затухала. Оставались поля, бараки, бани, амбары, фермы. Помещения разбирались по бревнышку и вывозились для обустройства наших колхозов. В памяти наших старожил переселенцы оставили добрый след, потому что в большинстве своем это были честные, работающие люди, многому нас научившие. Низкий поклон живым и пусть земля будет пухом умершим в изгнании».

О жизни крестьян — переселенцев на нашей земле мы, молодые, знаем очень мало. Я обращаюсь к тарножанам, детям крестьян-переселенцев, кто проживает на территории Тарногского района, с просьбой поделиться своими воспоминаниями о том времени. Не знаю, в каком самочувствии ныне жительницы деревни Раме-нье Эмилия Михайловна Добрынина, Валентина Ивановна Игнатьевская, Ксения Николаевна Голева, но как мне известно, эти женщины могли бы рассказать о жизни спецпереселенцев много интересного и, уверен, важного для всех нас. Ждем ваших писем.

В. ПАХОТИНСКИЙ.